

Среди проклятых стен

Автор:

[Лорен Блэквуд](#)

Среди проклятых стен

Лорен Блэквуд

Red Violet. Темный ретеллинг МИФ Проза

Фэнтезийный ретеллинг романа «Джейн Эйр», где сочетаются готика, хоррор и романтика.

Андромеда – экзорцистка, которую учили очищать дома от Сглаза. Вот только наставник прогнал ее, не выдав лицензию, и теперь ее шансы найти хорошее место в приличном доме ничтожно малы.

Когда молодой наследник Магнус Рочестер предлагает девушке работу, она без раздумий соглашается. Андромеда и не подозревает, что проклятие, наложенное на дом и его хозяина, гораздо страшнее, чем она предполагала...

«Среди проклятых стен» – дебютная книга американской писательницы Лорен Блэквуд. Это фэнтезийный ретеллинг знаменитого романа «Джейн Эйр» с элементами мистики, хоррора и захватывающей любовной интригой.

Для кого эта книга

Для поклонников ретеллингов.

Для тех, кому интересно увидеть новое прочтение любимейшего романа «Джейн Эйр».

Для поклонников «Костяной ведьмы» Рин Чупеко, «Проклятия одиночества и тьмы» Бриджит Кеммерер, «Десяти тысяч дверей» Аликс Харроу, «Теней между нами» Триши Левенселлер.

На русском языке публикуется впервые.

Лорен Блэквуд

Среди проклятых стен

Информация от издательства

Original Title:

Within These Wicked Walls

by Lauren Blackwood

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2021 by Lauren Blackwood. All rights reserved.

Published by arrangement with the author and her literary agents, Triada US Literary Agency (USA) via Alexander Korzhenevski Agency (Russia)

* * *

Посвящается моим родителям, которые никогда не переставали верить в меня

Глава 1

Меня опалило изнуряющим зноем, точно внезапно вспыхнувшим костром, как только я ступила из-под брезентового укрытия запряженной мулом повозки на горячий песок. Я крепче прижала к себе сумку, щурясь от заходящего солнца. Потоки жаркого воздуха образовывали иллюзии на песке. Порой они принимали облик ряби на воде. Временами – змей, стремящихся скрыться под камнем. Или афарского каравана, везущего куски соли, добытой в недрах пустыни, для продажи на базаре.

Тем не менее все это являлось не чем иным, как жестокой насмешкой пустыни. Ведь ничего подобного здесь не было. Лишь я, торговец, который подвез меня из города, и та каменная громада, возвышающаяся вдалеке, – мой новый дом.

Вьющиеся кудри облепили мне виски и шею; я выудила из кармана мокрую купюру, но торговец вскинул руку, словно я протягивала ему паука:

– Не нужно платы.

– Это в знак благодарности, – настаивала я.

Надо было держать рот на замке. Эта повозка оказалась настоящим спасением после того, как в шести других меня категорически отказались везти. Простой деревянный настил поддерживали два крепких колеса сзади и потный запряженный мул спереди. Места внутри вполне хватало, чтобы я могла

свернуться калачиком и спокойно лежать, хоть и приходилось делить ее с торговцем и его глиняными горшками со специями. А еще у нее имелся брезентовый навес, скрывающий нас в тени. Брезентовый навес! И все же это были мои последние деньги, пока мне не заплатили за новую работу. Даже если и отдать их торговцу, то он в лучшем случае просто высадит меня ближе ко входу.

Однако торговец, благослови его Бог, оказался непреклонен: замахал вскинутой рукой, прогоняя меня. «Да помилует Господь твою душу», – произнес он и резким щелчком хлыста пустил мула вскачь. Повозка, разбрасывая колесами песок, развернулась и понеслась обратно тем же долгим путем, каким мы прибыли сюда через пустыню.

Частички поднятого ей облака пыли осели на каждом потном участке моей кожи. Я слизала с губ соль – на зубах скрипнул песок.

Но меня это не беспокоило. Внутри меня тоже был песок, потому я уже не замечала его. А вот мой наниматель вряд ли оценит подобный внешний вид.

Оставалось надеяться на его снисходительность. Мне нужна была эта работа. Очень. Я не могла припомнить, когда в последний раз нормально ела. В основном набивала живот песком – обманывала таким образом свой разум, заставляя его думать, будто я сыта. Работа же должна была предоставить мне жилье и еду. А также будущих постоянных клиентов, которые обеспечат меня заработком на всю оставшуюся жизнь.

Но не стоит забегать вперед.

Подождав какое-то время, чтобы убедиться, что торговец не вернется, я распахнула ворот платья, вынула спрятанный там амулет и осмотрела его на предмет повреждений. Тонкий коптский крест из чистейшего серебра, выплавленный жаром моей паяльной ручки, по краям обвивали разноцветные нити. Каждая линия спайки и изгиб, каждый цветной ряд служили преградой от Воплощений Сглаза. Даже небольшой дефект мог испортить всю конструкцию и нарушить эффективность защиты. Это был первый созданный мною амулет – и единственный, поскольку Джембер ни за что не позволил бы мне тратить драгоценный металл на несколько попыток.

Не говоря уже о том, что такое количество серебра могло кормить не один месяц при должной экономии.

Я снова спрятала амулет под платьем, поправив воротник так, чтобы металлическую цепочку не было видно.

Этому принципу выживания Джембер научил меня в пятилетнем возрасте: «Защищай свой амулет лучше, чем он – тебя».

Оставшиеся три мили до замка я сначала стряхивала с себя пыль одним из своих чистых платьев, а затем разглядывала само здание. Оно было словно из сказки: коричневый камень, местами неровно сточенный песчаными бурями; парапеты, где некогда, возможно, возвышались древние императоры; резные окна со стеклами. Знаю, что подобные замки встречались на более травянистых территориях, но тут? Кому захочется быть повелителем самой жаркой на свете пустыни?

Одни странники называли ее диковиной. Другие – преисподней. Второе определение было более точным – с точки зрения температуры. Однако выглядела она божественно. Соль и железо покрывали пустынную землю желто-ржавой коркой, наполняя ее магией. Но даже такое чудо не могло заставить путников отправиться этим путем. Больше нет.

И все благодаря Сглазу.

Поговаривали, будто Сглаз стал первым Воплощением греха, а именно зависти и алчности. Находясь в постоянном страстном стремлении, он цеплялся к любому, кто хотел того же. Богатый урожай, полоса везения, даже обилие комплиментов – все могло привлечь нежелательное внимание.

Однако материальные блага, особенно огромное богатство, казалось, были худшим преступлением. Большинство клиентов, которых мы с Джембером встречали, жаждали заполучить домой множество красивых вещей. Или же, как в случае мужчины, к которому я сейчас направлялась, иметь денег больше, чем полагалось человеку.

Неважно, что проклятие ограничивалось лишь стенами замка, что пустыня была совершенно безопасной, если знаешь, как ее пересечь. Когда дело касается

Сглаза, лучше перестраховаться, чем потом жалеть.

Вечерело, солнце последний раз выглянуло из-за горизонта, прежде чем отойти ко сну, когда я наконец добралась до замка. Я уже подняла было кулак, чтобы постучать в дверь, но затем взялась за висевшую сбоку веревку, покрытую коркой песка. Раздавшийся внутри зловещий звук колокола возвестил о моем прибытии.

Ждать пришлось секунд тридцать, возможно меньше, – моим ноющим от усталости ногам не терпелось поскорее оторваться от земли и опуститься на нормальную постель. Лишь звук шагов удержал меня от того, чтобы еще раз дернуть за веревку. Дверь отворилась, и порыв холодного воздуха окатил меня, словно ледяная вода из ведра. Я вздрогнула и крепко сжала амулет на шее, едва не усомнившись в его способности защитить меня от того, что находилось внутри.

Белая женщина с седеющими волосами и насупленными бровями внимательно изучала меня из-за маленьких очков в проволочной оправе. На ней был шерстяной свитер и длинная тяжелая юбка – весьма странный наряд для дома и уж тем более для пустыни. Бледное лицо и руки, точно выщербины на темной стене, выделялись на фоне ее серой одежды и каменной передней за спиной.

Она выгнула брови, ее взгляд чересчур долго задержался на моем лице, но глаз не коснулся. Шрам. Я потерла щеку, будто пытаюсь унять внезапный зуд, желая убрать с кожи длинную отметину. Я всегда забывала о ней, пока не встречала какого-нибудь незнакомца, который принимался рассматривать меня так, словно у меня имелся третий глаз.

– Андромеда, я полагаю?

Я сразу определила, что она не местная. Амхарский язык давался ей тяжело – она запинаясь в самых неподходящих местах.

Если только она не специально выплевывала слова в мой адрес как проклятие.

Я слегка поклонилась, стараясь не слишком покачиваться на обессиленных ногах.

- Да.

- Экзорцист?

Экзорцист. Я с трудом сдержалась, чтобы не закатить глаза при упоминании этого термина. Он был каким-то расплывчатым, ограниченным. Мы, дебтеры, проводили богослужения с помощью гимнов и песнопений, а также выполняли все обязанности священнослужителей, не пользуясь ни духовным саном, ни уважением. Мы были целителями. Ремесленниками. Обученными проникать в мир духов глубже, чем кто-либо осмеливался. Хотя учитывая цели моего нанимателя...

- Верно. Экзорцист.

Женщина закусила губу.

- Ты выглядишь весьма юной.

- Так и есть, - согласилась я, но добавлять ничего не стала.

- Это работа не для ребенка.

- Вы хотели бы взглянуть на мои документы?

Я твердо выдержала скептический взгляд женщины, а про себя молилась, чтобы она не попросила их. В девятнадцать лет человек, согласно закону, считался совершеннолетним. Достаточно взрослым, чтобы жить на улице и каждый день голодать. Но, по моему опыту, недостаточно взрослым, чтобы старшее поколение воспринимало его всерьез. Чем меньше она меня разглядывала, тем лучше.

- Хм... ты довольно худенькая, - заключила она, как будто этот факт был важен и уместен. Она открыла дверь шире, и я ступила внутрь ледяного замка, подавив желание потереть дрожащие руки.

- Впрочем, дебтера более благородного вида не слишком-то нам помогла.

Значит, ей все-таки был известен мой настоящий титул, хотя она и произнесла его странно, так что я не сразу узнала слово: деб-ТАЙР-а, с ударением на второй слог вместо первого.

Женщина захлопнула за нами дверь, и я непроизвольно огляделась по сторонам в поисках другого выхода.

– Меня зовут Пегги, я экономка мистера Рочестера. Мистер Рочестер будет настаивать на том, чтобы ты называла меня Пегги, хотя это неприлично – я старше тебя. Нет, деточка, не разувайся. Здесь никогда не знаешь, куда наступишь.

Я встала на одну ногу, натягивая на другую обратно сандалию; обжигающий холод пронзил мою руку, когда я оперлась на стену. Камень на ощупь был ледяным. Видимо, присутствие злых духов охлаждало помещение, но никогда я не чувствовала этого так остро.

Пегги повела меня через тусклый, залитый светом свечей коридор; затянутые пленкой окна лишь немного позволяли видеть в свете заходящего солнца. Я потерла руки и сжала ладонью серебряный амулет на шее. Обычно при увеличении близости числа Воплощений – физического доказательства Сглаза – он мягко пульсировал, но никогда это не происходило так часто, как сейчас. Я буквально ощущала передвижения Воплощений по высокому затененному потолку – они походили на стаю устроившихся на ночлег летучих мышей, разлетавшихся прочь от пульсации.

– В нашем распоряжении всего несколько часов, чтобы ты могла освоиться до наступления комендантского часа, – сообщила Пегги, ведя меня вверх по лестнице. Я замедлила шаг, поравнявшись с ней. – Пробуждение начинается ровно в 22:00, и к этому времени все должны запереться в своих комнатах. Без исключений. В противном случае тебе поможет только Бог.

Полагаю, мысль о проклятом доме могла испугать любого, кто не знает, как очистить его, но мне ни разу не доводилось видеть Воплощение, которое могло бы устоять даже против слабейшего из моих амулетов.

– Лучше всего со своей работой я как раз справлюсь поздно вечером. Определить Сглаз проще, когда видишь его в действии.

Пегги опустила подбородок, воззрившись на меня поверх очков.

- Говоришь, ты уже делала это раньше?

- Много раз.

С комнатами. Но не с целым домом, и уж тем более не с замком. Однако кто знает, когда я смогу – если вообще смогу – получить еще одно предложение о работе, тем более без удостоверения дебтеры. Так что небольшая ложь была вполне оправданна.

- Ну, этот вопрос ты можешь обсудить с мистером Рочестером. А до тех пор не стоит строить из себя знатную даму и устанавливать собственные правила. – Она открыла дверь в нескольких футах от лестницы. – Это твоя комната. На самом деле тебе следовало бы жить внизу, вместе со слугами, но мистер Рочестер пожелал, чтобы ты находилась с ним на одной площадке. Комната маленькая, но у тебя, по всей видимости, с собой не много вещей.

Женщина, которая работала на мужчину, чей дом подвергся Сглазу, находилась не в том положении, чтобы осуждать бедную девушку и отсутствие у нее какого-либо имущества... Но спорить с ней не имело смысла. У меня теперь будет крыша над головой. Будет еда. А Джембер больше не прикажет красть для него наркотики.

Я сделала глубокий вдох, отгоняя прочь воспоминания.

«Тебе грех жаловаться, Анди. Ты в безопасности».

- Спасибо, – поблагодарила я и вошла в комнату.

- Ужин будет подан через час, – сказала она, разглядывая мое простое рыжее платье. – Надеюсь, у тебя есть что-то более приличное?

В попытке скрыть смущение я сделала вид, будто поправляю сумку. Ох уж этот безумный, глупый торговец.

Она издала короткий звук, похожий на смешок, и без слов удалилась, оставив меня одну.

Глава 2

Стоящая в углу бочка с водой, по всей видимости, была наполнена недавно, потому что я с легкостью разбила образовавшийся на поверхности тонкий слой льда дном ведра и, наполнив его, повесила над огнем греться. Затем отыскала в комод у кровати кусок ткани и принялась тереться им, пока вода из обжигающей не сделалась холодной. Я так долго не чувствовала себя чистой, что практически забыла: под всем этим песком было тело. Капелькой масла, которое выменяла на прошлой неделе, я увлажнила свои кудри и темную покрасневшую кожу, а потом заплела волосы в две аккуратные французские косы, пустив их по плечам. Ничего более приличного из одежды у меня не было, зато имелось платье, не пропитанное потом и не выпачканное песком. Этого будет достаточно.

В комнате находилось зеркало в полный рост; я так давно не смотрела на себя, что при виде своего отражения немного расстроилась. Мое лицо ничуть не стало лучше: губы казались слишком большими для крохотного подбородка, который, в свою очередь, был слишком круглым для тонкого носа, а тот никогда не смотрелся ровным между не совсем пухлыми и не совсем высокими скулами. Но хуже всего выглядел слегка выпуклый шрам на лице – уродливый порез на верхней губе, тянувшийся вдоль всей щеки. Это была не намеренная демонстрация красоты с помощью шрамирования, а явное последствие жестокой ошибки.

Я была похожа на невзрачную, бесформенную куклу. Но по крайней мере больше не выглядела бездомной. Меньше всего мне хотелось, чтобы мистер Рочестер думал, будто притащил меня прямо с улицы.

Если в комнате и висели часы, то я их не искала: за долгие годы почасовой оплаты за свою работу, пусть и в большей степени выполняемой совместно с Джембером, я сумела настроить внутренние часы, которые теперь отлично мне служили. Так что за десять минут до истечения данного мне времени я спустилась вниз в поисках столовой.

В каждой комнате горело по камину, однако ни света, ни тепла не ощущалось. Я никогда не видела в столь нарядно украшенном доме почти полное отсутствие... цвета. Здесь встречались и ковры, и подушки, и корзины, и гобелены, сотканые в традиционных зеленых, желтых и красных цветах. Но все они выглядели безжизненными, потускневшими от солнца и времени. Прекрасные изделия ручной работы сочетались со стенами и мебелью, которые, казалось, принадлежали другому миру. Изобилие золота, филиграни и орнаментов, чрезмерно плотные узоры, которые не оставляли места для воздуха. Не говоря уже о том, что все в комнатах выглядело как-то не так. Гобелен на стене висел криво, пара ковров лежала не по центру, мебель располагалась в странных местах... Кто бы ни украшал дом, он явно не заботился о порядке и эстетике комнат.

Главный зал представлял собой большое квадратное помещение; когда в своих блужданиях по дому я добралась до другого конца лестницы, то обнаружила внизу Пегги и еще трех человек – они о чем-то шептались. Один из них, пожилой мужчина с усами, заметил мое приближение и ткнул Пегги локтем, вынуждая остальных взглянуть в мою сторону. Мгновенно разозлившись, я нащупала под платьем нож, но доводы рассудка быстро меня успокоили. Эти люди стояли с Пегги, а значит, скорее всего, работают здесь, как и я.

Было сразу ясно: Пегги – единственная из слуг, кто не работает на улице, поскольку ее лицо имело цвет бетона, в то время как лица остальных светились румянцем от солнца. Я никогда раньше не видела такое количество белых людей в одном месте. Мы, в отличие от других стран, не относились к колониям, поэтому мой опыт ограничивался редкими визитами вполне дружелюбных миссионеров или активистов.

Но, видимо, в этом крылся определенный смысл. Ни один местный не осмелится ступить в дом, на который наложен Сглаз. Наем чужеземцев, незнакомых с проклятием, гарантировал, что работник будет оставаться до тех пор, пока ему хорошо платят.

– Это Андромеда, – сказала Пегги. – Дебтера.

– Наконец-то ты выбрала кого надо. – С этими словами мужчина средних лет с черными волосами и сединой на висках хлопнул Пегги по спине – наверное, слишком сильно, потому что та в ответ сердито шикнула на него.

– Ты про каждую так говорил, Том. – Женщина с ярко-рыжими волосами и необычайно голубыми глазами хмуро покосилась на меня. – Ей, должно быть, не больше шестнадцати.

– Да, но она повидала войну, – возразил мужчина, указав на мой шрам. Я поборола желание закрыть его ладонью.

Мне казалось, что это Пегги предпочитала выбирать наряд под стать своим мрачным манерам, но и трое других слуг были в одежде такой же темно-серой, как и окружавшие нас унылые стены. По правде говоря, такой выбор был обусловлен не столько модой, сколько практичностью: все шерстяные ткани окрашивались в одной бочке. Но они до странности хорошо подходили к этому дому. Словно призраки, облаченные в тени.

– Это Том, – начала представление Пегги. – Он заботится о содержании дома. Это Эмма, мы вместе занимаемся стряпней и починкой вещей. А Эдвард, – старик кивнул мне с легкой улыбкой, его глаза светились добротой, – ухаживает за лошадьми. Уборкой занимаются все. – Она посмотрела на меня в упор. – В том числе и ты.

На самом деле мне платили за то, чтобы я очистила дом от Сглаза, а не от грязи, но этот вопрос придется обсудить с мистером Рочестером.

– Всего четыре человека ухаживают за таким огромным домом?

– Больше никого не осталось, – ответила Эмма.

Повисло угрюмое молчание. Разумеется, спрашивать не было нужды, ответ был очевиден: все остальные слуги ушли. Эмма привалилась к Тому, и тот успокаивающе погладил ее по голове. Эдвард прочистил горло – резкий звук нарушил тишину.

– Почему никто здесь не носит амулетов? – поинтересовалась я.

– Суеверная чушь, – фыркнула Пегги, отмахнувшись от моих слов, как от чего-то омерзительного. – Нас защищает наш Бог.

Я посмотрела на остальных, но они, похоже, намеренно избегали моего взгляда. Тогда я сделала глубокий вдох, стараясь подавить раздражение.

– Мы поклоняемся одному Богу. Он создал врачей, чтобы они назначали лекарства, так же как дебтер, чтобы те изготавливали амулеты.

– Деревенский вздор, – проворчала она, и мне пришлось прикусить язык, дабы не огрызнуться в ответ. Она указала на вход в комнату, где огонь горел ярче, чем в остальных. – Ужин в столовой.

– Удачи, – проговорил Том с ободряющей улыбкой.

– Удачи не существует, – сказала ему Эмма, когда все четверо зашагали прочь по коридору, – в том-то все и дело.

Войдя в столовую, я словно попала на спиритический сеанс: все поверхности здесь, кроме пола, были уставлены свечами. Длинный деревянный стол дополняли вычурно украшенные стулья. Комната была предназначена для званого ужина, тем не менее во главе стола сидел один-единственный человек в темной рубашке с воротником-стойкой и длинном пиджаке. Должно быть, он услышал, как я вошла, потому что тут же развернулся на стуле. Его белозубая улыбка сияла ярче любой свечи в комнате.

Даже в полумраке я сумела разглядеть, насколько он красив. Тугие кудри коротко подстрижены, особенно по бокам и сзади, и аккуратно выровнены вдоль линии роста волос. Скулы точно гладкий камень, широкий симметричный нос, морщинки от смеха словно боготворят улыбку, которую обрамляют. И если его темно-коричневая кожа при свете дня выглядит столь же ангельски, как и в сиянии свечей, то следующие несколько месяцев, боюсь, мне не пережить.

Он был прекрасен, и мне вдруг подумалось: возможно, для него имеет значение, что я не так привлекательна.

– Андромеда? – Мужчина отложил в сторону несколько свитков и встал. – Добро пожаловать. Проходите, присаживайтесь.

– А остальные присоединятся к нам? – спросила я.

– Надеюсь, вскоре. Но ничего страшного, мы можем начать и без них. – Он указал на стол с дымящимися блюдами. – Вы, наверное, проголодались с дороги.

Я подошла к столу, но в соответствии с приличиями остановилась в нескольких шагах от него. На шее мужчины висел такой же серебряный амулет, как и у меня: тонкий, плоский, с гравировкой и намотанными цветными нитями, которые обычно можно увидеть на универсальном амулете. По крайней мере, он оказался мудрее Пегги.

Так мы стояли несколько долгих секунд, пока его теплая улыбка постепенно не сменилась натянутой и вежливой. Я вдруг осознала, что добропорядочный мужчина не позволит себе просто так прикоснуться к незнакомой женщине. Я протянула руку, и он мягко пожал ее. Я мгновенно шагнула в сторону, заняв оборонительную позицию, мышцы напряглись, когда он... выдвинул передо мной стул. Я сглотнула, мое лицо залила краска смущения. «Ты больше не на улице. Никто не собирается на тебя нападать. Никто не отнимет твои вещи». Я быстро села, склонив голову, чтобы он не заметил мой румянец, и позволила ему задвинуть стул. Мне даже удалось не шелохнуться, когда он накинул мне на плечи шерстяное одеяло.

– Сегодня нам придется самим обслуживать себя. – Мужчина – наверняка не кто иной, как мистер Рочестер, – снова занял свое место и поставил передо мной небольшую чашу для мытья рук. Я молча держала над ней ладони, пока он лил на них воду. – Несмотря на размеры дома, слуг здесь мало. Немногие готовы работать на проклятое семейство.

Слуги. У меня даже матери не было. Но я лишь вежливо кивнула, когда он подал мне маленькое полотенчко.

– Я быстро приспосабливаюсь.

– Это хорошо. Никогда не знаешь, что может произойти в этом... О! – На его лице отразилось легкое удивление, а потом появилась та самая ослепительная улыбка, когда я придвинула к нему чашу для омовения. Обычно гости не моют руки хозяевам, но выбора у нас не было. – Спасибо.

Я помогла ему вымыть руки, он вытер их, после чего прочитал молитву перед едой.

– Надеюсь, вы не возражаете, если я спрошу, – проговорил мистер Рочестер. – Почему Джембер прислал вас без рекомендательного письма?

Вопрос был вполне справедливым, но я не могла ответить честно. Джембер вырастил меня, обучил навыкам дебтеры, но в первую очередь выкупил у моих настоящих родителей. Люди, покупавшие детей, не настолько уважали их, чтобы писать письма, призванные восхвалять их умения. А даже если бы он каким-то чудом и смилостивился, то и тогда не стал бы утруждаться.

– Он был занят и не успел к сроку, – ответила я, стараясь не набивать рот едой. Я не ела два дня, но об этом никто не должен был знать.

– Правда? – Мистер Рочестер некоторое время смотрел на меня, и только тогда я осознала, что с последней своей фразы взяла уже четвертый кусок. «Помедленнее». – Не то чтобы я сомневался в ваших способностях – у вас убедительное резюме. Но я, похоже, не знаю никого, кто был бы знаком с вашей работой.

Он и не мог знать. Стоило только войти в дом, как становилось ясно: мы происходили из совершенно разных социальных кругов. Такие, как он, нанимали людей вроде Джембера, который был лучшим дебтерой своего поколения, имевших при этом разрешение и поддерживаемых многоуважаемой церковью. А таких, как я, они обходили стороной – церковью непризнанных и этого разрешения не имевших, потому что суровый наставник вышвырнул на улицу раньше, чем успели это разрешение заслужить.

– Посещая клиентов, мы с Джембером бывали во множестве разных деревень. Возможно, вы не знакомы с теми, кто живет далеко.

Он выглядел слегка смущенным.

– Да, разумеется. Я не имел в виду ничего такого. – Он достал из своего портфеля папку и положил передо мной, вынув из нее несколько страниц и поместив их сверху. – Это ваш договор. Не спешите, внимательно ознакомьтесь с ним, прежде чем подписать. Большинство пунктов стандартные: бесплатное жилье и питание, удобства. Я знаю, что обычно вы получаете почасовую оплату, но, полагаю, для нас обоих будет удобнее установить фиксированную

еженедельную ставку. А из нестандартных: вы должны будете соблюдать определенный перечень правил.

Он придвинул ко мне пронумерованный список, указав на первую строчку.

– Первые два пункта наиболее важные: не выходить из своей комнаты после десяти часов вечера и обязательно посещать собрания после ужина. Остальные правила менее значимы, но Магнус очень злится, если им не следуют неукоснительно.

По поводу комендантского часа Пегги предупреждала меня, но вот обязательные собрания?

– А кто такой этот Магнус?

– Магнус Рочестер, хозяин этого замка.

– Прошу прощения, сэ. Но разве вы не... – Я откашлялась. – Я думала, хозяин замка – вы.

– О. – Он тихо рассмеялся. – Нет. Простите, я был уверен, что представился. Зовите меня Эсджей. Я доверенное лицо семьи Рочестеров.

– Но где же сам мистер Рочестер?

– Уверен, он скоро спустится к нам. Однако он предпочитает, чтобы его называли Магнусом. Никаких обращений «сэр» и «мадам», согласно правилу двадцать три вашего договора.

Тут сверху лестницы донесся грохот, похожий на звук захлопнувшейся двери, затем я услышала далекий крик.

Эсджей вежливо сложил руки перед собой, сделал глубокий вдох и выдох через нос и улыбнулся мне:

– Похоже, сегодня Магнус к нам не присоединится. Но я с удовольствием обсужу с вами договор и отвечу на любые вопросы, которые... – Раздался еще один

громкий звук, на этот раз больше похожий на выстрел из ружья. Эсджей быстро встал, ножки его стула скрипнули по деревянному полу. – Прошу меня простить, я скоро вернусь. – И с этими словами вылетел из комнаты.

Дождавшись, пока его туфли простучат вверх по лестнице, я облизала пальцы и последовала за ним.

Очередной крик вынудил меня замереть на верхней площадке и прислушаться. Пегги и Эсджей стояли в коридоре чуть впереди и говорили через полуприкрытую дверь, в то время как по другую ее сторону им в ответ кто-то кричал. Спор оборвался захлопнувшейся перед их лицами дверью.

Эсджей потрепал Пегги по плечу и обернулся в мою сторону. Казалось, при виде меня он испугался, но потом улыбнулся и направился ко мне.

– Боюсь, сегодня не самый подходящий вечер для деловых разговоров. Почему бы вам не прочитать договор самой, а завтра я приду и мы его обсудим?

– Он всегда такой несдержанный? – поинтересовалась я.

– Он... – Улыбка Эсджея погасла. – Сегодня ему нездоровится. Обычно он бывает в лучшем расположении духа, но иногда проклятие, зло в доме...

– Влияет особо пагубно, – закончила я за него. Такое происходило в каждом доме, который я очищала, – хозяин неизменно чувствовал себя хуже всех.

Он кивнул, затем откашлялся.

– Завтра будет лучше. Так всегда бывает.

– Эсджей? – окликнула я его. Он уже спускался по лестнице, но слегка обернулся на мой голос. – А ружейный выстрел?

Его лицо поникло, и в попытке скрыть это он принялся разглядывать перила лестницы.

– Никто не пострадал.

– И уж поверь мне, дитя, – добавила Пегги, протискиваясь мимо меня, хотя коридор был достаточно широк, чтобы мы могли спокойно разойтись. – Оружие – не то, о чем здесь стоит беспокоиться.

– Пегги, – тихо, почти умоляюще, одернул ее Эсджей, затем посмотрел на меня. – С таким резюме сомневаюсь, что у вас возникнут какие-либо проблемы. Я вернусь завтра вечером, перед ужином.

– И не смей беспокоить мистера Рочестера сегодня, – рявкнула Пегги, спускаясь по лестнице. В ответ на ее колкость я стиснула кулаки. Я провела в этом замке меньше двух часов и уже ненавидела эту женщину.

Дождавшись, пока эти двое скроются за углом, я подошла к двери и постучала.

До меня донесся вздох раздражения, слышались тяжелые шаги, сопровождаемые тихим позвякиванием, а потом дверь со скрипом приотворилась. Я содрогнулась от повеявшего изнутри холода, амулет на моей груди мощно запульсировал.

– Пегги, я же сказал тебе, что не голоден, – прорычал голос из-за двери. Мистер Рочестер явно прятался, потому что мне была видна лишь полоска тусклой стены его комнаты.

– Пегги спустилась вниз, – сообщила я. – А я Андромеда.

– Кто?

Я помолчала в замешательстве.

– Вы наняли меня. Чтобы очистить ваш дом от Сглаза.

– От чего?

Неужели он не знает о том, что творится в его доме?

– От потусторонней активности в вашем доме.

– Постой, кто ты?

– Андромеда. Нанятая вами дебетера. Сэр, я хотела бы поговорить с вами по поводу комендантского часа...

– Запри дверь в десять часов, если не хочешь быть съеденной заживо. А теперь убирайся прочь. – С этими словами он захлопнул дверь, и я услышала удаляющиеся шаги.

Я глубоко вздохнула, пытаюсь успокоиться.

«Вспомни, где ты была сегодня утром, Анди.

Ты проснулась в стойле со стадом коз. Ты прогнала мерзавца с помощью камня.

По сравнению с этим слегка неадекватный работодатель – ничто».

Я сделала третий и последний вдох и спустилась вниз, чтобы покончить с ужином.

Глава 3

Меня ничуть не заботили предупреждения Пегги и мистера Рочестера. Наибольшую активность Воплощения проявляли как раз ночью, поэтому я не собиралась упускать возможность вычислить их. Получив серебро для создания защитных амулетов, я захотела лучше понять, с чем имею дело.

Без одной минуты десять я вышла в безмолвный коридор и стала ждать. Впрочем, здесь было не совсем тихо: с нижнего этажа поднимались едва разборчивые звуки музыки, приглушенные струны извлекали напряженную и меланхоличную мелодию под стать моему тревожному настроению. Работая с Джембером, я никогда так не нервничала, но, с другой стороны, я редко выполняла все самостоятельно, чаще всего лишь наблюдала. К тому же ожидание всегда было хуже самого Пробуждения.

Узнать наверняка, с каким явлением предстоит бороться, можно было только одним способом – встретиться с ним без защиты. Именно поэтому я, зажав в ладони амулет, быстро прошептала оградительную молитву, после чего повесила его на дверную ручку изнутри комнаты и закрыла дверь.

Раздался странный глубокий звон. Огромные часы напротив лестницы молчали весь вечер, а теперь звали ко мне звуком, полным ужаса и предостережения. Три... Четыре... Каждый следующий удар заглушал эхо предыдущего. Семь... Восемь...

Жуткая музыка и колокольный звон сменились завыванием ветра: он обрушился на меня подобно песчаной буре, ударяя то с одной, то с другой стороны. Руки и ноги онемели в считанные секунды, но не настолько, чтобы покалывание ледяных игл, вонзавшихся в меня на огромной скорости, притупилось. Собравшись с силами, я расставила ноги шире и закрыла лицо руками, подол платья хлопал меня по ногам. Сквозь вой ветра до меня доносились удары и скрежет, стоны и скрип деревянных досок.

Пробуждение началось.

Оно было сильнее обычного, что объяснялось серьезностью проклятия. Однако я замерзала. Работать было необходимо быстро: определить как можно больше Воплощений, чтобы понимать, какие амулеты потребуются изготовить. В своей голове я уже видела, а руками чувствовала, какие движения паяльной ручкой мне предстоит совершить над серебром. Будто на черную доску высыпали коробку пудры – узоры жизненной силы каждого Воплощения приставали к невидимому клею, создавая четкий рисунок. Линия, линия, изгиб, линия, пятно, линия. Точнее сказать, почти четкий – теперь их были сотни, они перекрывали друг друга и смешивались. Их было так много, что было трудно отличить одно от другого.

Зато я могу сосредоточиться на каком-то одном Воплощении. Выбрать самое легкое и завтра начать с него. А поскольку все они связаны между собой, то, избавившись от первого, мне будет проще справиться с остальными.

Ветер задул все свечи, и теперь слабый лунный свет, лившийся из окон в конце коридора и внизу, служил единственным источником освещения. Тем не менее я видела смутные тени, похожие на стаи крыс, у подножия лестницы и на потолке

первого этажа. Бесчисленные волны маленьких темных существ растекались в стороны и напозали друг на друга, закрывая собой деревянные поверхности. Скорее всего, это были не настоящие крысы, но я решила не рисковать. К тому же скрип дерева доносился именно с лестницы, доски заметно шевелились и трескались. Ломались.

Нагнувшись, я коснулась глубокой щели в первой ступени. Мои пальцы замерли снаружи, как будто пустое пространство не пускало меня глубже. Ступенька была целой, трещины лежали на поверхности, словно мираж.

Воплощение было едва ощутимым. А значит, слабым. С него-то и можно начать.

Слава богу, я быстро его нашла, потому что моя кожа из обожженной и ободранной сделалась онемевшей – меня это немного пугало. Никогда еще Воплощение не наносило подобного урона, но, с другой стороны, я никогда не оставалась без своего амулета. Так что нужно было вернуть его обратно на шею – и быстро.

Я бросилась к двери, с трудом пытаюсь устоять на ногах. И тут же споткнулась – или что-то толкнуло меня, – больно ударившись об пол, как если бы ветер намеренно сбил меня с ног. Я охнула – от удара у меня перехватило дыхание, – но, во всяком случае, успела собраться и не рухнуть лицом вниз.

Однако что бы меня ни толкнуло, оно все еще было здесь; я с криком лягнула его, когда оно схватило меня за ногу. Затем вскочила и огляделась в темноте. В следующую секунду Нечто крепко вцепилось в меня, и я, быстро топнув ногой в попытке сбросить его с себя, бросилась к своей комнате. Стоило мне распахнуть дверь, как оно вновь поймало меня за щиколотку, мертвой хваткой удерживая на месте. Ощущение было знакомым и пугающим; я посмотрела вниз, и лунный свет, проникавший в окно моей спальни, озарил торчащую из пола руку, которая длинными пальцами сжимала мою ногу.

– Отпусти меня! – закричала я, со всей силы лягнув Нечто и вырвав ногу из его цепких рук. Но одна хватка сменилась другой, а потом в плену оказалось мое запястье – руки выпрыгивали из стены и пола точно пауки. Как только мне удалось высвободиться, я ощутила, как чьи-то пальцы, нырнув в мои волосы, схватили их за корни и рванули назад. Я врезалась спиной в стену, и еще больше рук принялись царапать мое тело, стараясь его удержать. Я находилась всего в

шаге от своей двери – от свободы, – но не могла добраться до нее.

И все же я сопротивлялась Воплощению, потому что иначе было нельзя. Я пинаясь и дралась, пока не сломала достаточное количество пальцев, чтобы те разжались. Вбежав в свою комнату, я захлопнула дверь и, мгновенно надев амулет, прижала его к груди. Затем заперла дверь на замок и придвинула к ней огромное кресло. Ноги тут же подкосились, и я осела на пол, свернувшись калачиком рядом с камином.

Я продрогла до самых костей, и не только из-за ветра.

Боже правый... во что я ввязалась?

Глава 4

Мое первое Пробуждение было жутким. Случилось оно до того, как Джембер стал работать на церковь, благодаря которой мы уехали из весьма опасного города; тогда однокомнатный куб из дерева и глины с жестяной крышей был не самым подходящим местом, чтобы оставлять в нем пятилетнюю девочку одну на всю ночь, поэтому Джембер взял меня с собой на встречу с клиентом. Все Пробуждение я просидела, глядя сквозь дрожащие пальцы на то, как он работает, а потом еще несколько недель мне снились кошмары, где Воплощение с длинными когтями ползет по стене, словно скорпион.

Со временем я привыкла к чудовищам. Со временем я уяснила, что мир гораздо страшнее любых проявлений Сглаза. Жестокое воспитание оставило на мне шрамы в буквальном смысле, между тем как ни одно проклятие не коснулось меня.

Однако после первой ночи в этом доме я поняла, что ошибалась. Боже мой... как же сильно я ошибалась!

Не помню, как забралась в постель, но проснулась я закутанная в одеяло, стуча зубами – от холода или от непроходящего ужаса, трудно было сказать.

Ветер. Обжигающий озноб. Яростные руки. Тогда все казалось таким реальным, а теперь превратилось лишь в воспоминание о кошмаре.

Мне было немного страшно покидать комнату, но я пришла сюда зарабатывать себе на жизнь, а не валяться целый день в кровати. Одевшись под одеялом, я заставила себя вылезти наружу. Стоило мне поставить ногу на пол, как ее сковал холод. Мне придется попросить теплые вещи, если я собираюсь пережить следующие несколько недель. Хотя после вчерашнего общения с мистером Рочестером я сомневалась, что смогу что-то получить.

Значит, обращусь к Эсджею. Он кажется самым разумным человеком в этом доме.

Я остановилась у выхода, заметив яркое пламя в камине. Кто-то побывал в моей комнате. Конечно, я была благодарна за тепло, но сама мысль, что кто-то мог отпереть дверь и войти, пока я спала, наводила страх.

К тому же я забаррикадировала ее. Поймите, я точно это сделала? Кресло как ни в чем не бывало стояло на своем прежнем месте возле очага, словно я и не передвигала его вчера.

Я выбежала в коридор и, мельком взглянув на закрытую дверь комнаты мистера Рочестера, спустилась по лестнице. Все ступени были целы. Нигде не видно ни крысиных стай, ни, слава богу, рук. Вся паранормальная активность в доме стихла.

Однако я до сих пор не подписала договор. Еще можно было сбежать.

«Вот только куда?»

Я нуждалась в деньгах. Мне некуда было податься, кроме как вернуться обратно на улицу. Но даже мысль о возможности увидеть еще одно Пробуждение в этом доме пугала меня до смерти, несмотря на все преимущества проживания здесь. Это было похоже на мое первое Пробуждение, усиленное в десять раз.

Отныне я стану заниматься чисткой дома в дневное время.

Не знаю почему, но, завернув за угол и войдя в столовую, я ожидала увидеть покойника. В голове вспыхнуло воспоминание о последнем виденном мертвце. Тогда Джембер заставил меня выкопать яму – он называл это «закалкой характера», – а уже позже, проследив за ним, я стала свидетельницей того, как он сбросил в нее нечто похожее на тело, завернутое в грубую ткань. Поскольку мое любопытство улетучилось довольно быстро, я так и не решилась его спросить, а Джембер был не из тех, кто стал бы делиться тем, что убивает людей.

Тем не менее по другую сторону стены не оказалось ничего мертвого, если не считать неживого взгляда Пегги, появившейся из кухни.

Она поставила на стол дымящуюся чашу.

– Садись есть, дитя, – произнесла она так, словно я опоздала к столу. Не говоря ни слова, я заняла свое место. Передо мной было коричневое месиво. Скорее всего, каша, просто приготовленная без особого искусства. Сегодняшнюю трапезу готовил явно не тот, кто стряпал вчерашний ужин. Но счастье уже то, что у меня в принципе была еда, и она была вкусной и горячей.

– Пегги. – В дверном проеме показалась Эмма: щеки покраснели, дыхание слегка сбилось, будто она спешила. – Ты не видела Эдварда?

– В конюшне смотрела? – последовал грубый ответ Пегги.

– Его там нет, – Эмма округлила глаза. – Думаешь, он...

– Он там, – рявкнула Пегги. Раздражение в ее словах заставило меня вздрогнуть. – Разумеется, он там. А если нет, то еще где-нибудь. Иди, занимайся своими делами.

Эмма помедлила, ее глаза слабо сверкнули в свете камина. А потом она скрылась за углом, и ее торопливые шаги стихли в коридоре.

Одно было несомненно: мне ни в коем случае нельзя связываться с Пегги. Заколов ножом экономку своего работодателя, как бы отвратительно та себя ни вела, я наверняка мгновенно лишусь работы.

Я съела кашу, запив ее стаканом воды, и отправилась по коридору вслед за Пегги, держась позади нее на безопасном расстоянии, – мне не нравилось, что она прячет руки в карманах фартука. Конечно, глупо было думать о подобном – Пегги ведь не собиралась на меня нападать. Да, она грубиянка, но не убийца. А если даже и так, то у меня быстрая реакция.

«Ты в великолепном доме, Анди. Выброси уже из головы мысли об улице».

Когда Пегги завернула за угол, я, бросившись ее догнать, чуть не врезалась в незнакомую женщину. Выглядела та чуть старше меня. Ее голова была обрита наголо, темная и гладкая кожа словно светилась на фоне простого желтого платья, совершенно неподходящего для здешнего холода. Она была высокой, сильной и красивой. Жена мистера Рочестера?..

Но будь она богатой хозяйкой дома, Пегги узнала бы ее, проходя мимо по коридору. К тому же вид у этой женщины был такой, будто она пытается сдержать слезы.

Я уже открыла было рот... А потом вспомнила последний раз, когда попыталась утешить другого, и поспешила за Пегги. Произошло это семь лет назад: тогда семеро моих сверстников решили, что им не нравится моя доброта по отношению к девушке, которую они уже посчитали не стоящей их внимания. И я поплатилась за это: меня избили и ударили ножом в лицо.

«Чья жизнь тебе дороже? – спросил меня Джембер. – Твоя или незнакомки, которая никогда о тебе не вспомнит?»

«Бог любит нас обеих», – ответила я, глядя на него сквозь опухшие веки.

«Твоя участливость не поможет тебе выжить. – Джембер протянул мне бутылку спирта, чтобы я обеззаразила раны. – В следующий раз я позволю им тебя убить».

Следующего раза не было. Больше я не пыталась защитить никого, кроме самой себя.

И сейчас не будет иначе.

– Очнись, дитя, – рявкнула Пегги.

Я моргнула, прогоняя воспоминание, и обнаружила, что мы стоим перед открытой дверью.

– Он хочет тебя видеть, – сказала она. – Не заставляй его ждать.

Я вошла внутрь. Комнату заливал солнечный свет, проникавший через большие окна, ряды высоких книжных полок отбрасывали на пол резкие тени. Мистер Рочестер сидел в кресле, подавшись вперед, лицом к горящему камину, с большим альбомом на коленях. Он водил по бумаге серым карандашом, а из копны мягких непослушных кудрей, которые доходили ему до подбородка, торчал другой карандаш, красный. Его кожа имела оттенок мокрого песка, но в то же время лицо было каким-то бледным, почти болезненным. Оно было лишено золотистого сияния человека, недавно побывавшего на солнце. А вот скулы – те напоминали острые бритвы. Некоторое время он, словно в глубокой задумчивости, смотрел на стену, а потом опустил взгляд на лист бумаги. Нечто похожее на колокольчик или металлический предмет на запястье звякнуло с движением его руки.

Я уставилась на стену, которую он, казалось, рисовал. В нее был встроен камин, окруженный обоями с красно-черным узором пейсли[1 - Узор в виде капли со множеством мелких деталей и загнутым вверх концом. Он имеет и другие названия: «турецкий огурец», «слезы Аллаха», «индийский огурец», ботех или бута. Однако во всех культурах является символом жизни и плодородия. Здесь и далее примечания переводчика.]. Над ним висел большой, испещренный дротиками и царапинами портрет белого мужчины с густой бородой песочного цвета, державшего на руках запелёнатого младенца. Мужчина выглядел грустным и немного сердитым – как будто знал, что его портрет испорчен дротиками. Мне стало жаль ребенка.

Я постучала в открытую дверь.

– Сэр?

– Кто там? – спросил он, не поднимая головы.

– Это Андр...

– Ах да. – Он убрал за ухо непослушную прядь волос на виске. – Входи.

Его голос звучал легко и непринужденно, совсем не так, как у человека, с которым я говорила вчера. Я вошла в комнату, и мистер Рочестер продолжил, не глядя на меня:

– Я должен запечатлеть объект на бумаге до того, как она заметит. Угощайтесь вишневыми пирожными и кофе.

Вишневые пирожные на завтрак? Странно, но после съеденной каши я до сих пор чувствовала голод. Я опустилась на мягкий, обтянутый тканью стул по другую сторону круглого столика, взяла пирожное и снова взглянула на стену. На портрете я видела лишь брюзгливого мужчину и ребенка, но он тем не менее сказал «она». Кого же он рисовал?

Я взглянула на рисунок и ахнула. На каминной полке стояла женщина в красной кабе[2 - Каба – африканское женское платье.], богато украшенной свадебной накидке и королевской короне. Кровь стекала из ее рта, обагрняя белую накидку, – только в этом месте, помимо кабы, он использовал красный карандаш. Весь остальной рисунок был выполнен в призрачных оттенках серого.

Я перевела взгляд на стену – женщины там не было – и снова вернулась к рисунку. По моей спине пробежал холодок.

– Вы видите... ее... сейчас?

– Только в своем воспоминании.

– И часто она появляется?

– Каждый день. Я зову ее Библиотекарем, потому что она обожает переставлять мои книги. – Он усмехнулся. – Злобная аккуратистка. – Он провел последнюю линию, отдалил альбом на расстояние вытянутой руки – при этом движении на его запястьях что-то резко звякнуло, – а после повернул рисунок ко мне. – Что думаешь?

– Почему у нее кровь?

– Я и сам не раз задавал ей этот вопрос. Тогда она стала оставлять мне по утрам угрожающие отрывки из книг, чтобы я читал их за завтраком, – пояснил он, махнув рукой на стол рядом с нами. – Больше я не спрашиваю.

– Я заметила, что вы не изобразили картину на своем рисунке.

– Ну да. Потому что я не рисую чудовищ.

Я помолчала. Должно быть, это портрет его отца... так ведь?

– Тогда почему бы не снять портрет?

– Это мишень. – С этими словами он поставил подпись и дату на своей работе и, спрятав ее рядом с креслом, отложил карандаш и взял пирожное. Наши взгляды встретились – на его лице мелькнула нежность, почти облегчение. Слово вся грубость и злость, которые я видела в нем, зависели от одного человеческого общения.

Но тут его глаза опустились ниже и округлились.

– Господи. У тебя огромный шрам на лице.

Мои щеки вспыхнули. Наверное, я неправильно истолковала выражение его лица, потому что зрительный контакт несколько не изменил его поведение. «Такой же грубый, как и вчера».

– Знаешь, ты производишь ужасное первое впечатление, – продолжил он, откусывая пирожное. – Разве ты не должна была прибыть вчера?

– Я и прибыла вчера.

Он молча уставился на меня, хлопая глазами, поэтому я добавила:

– Мы разговаривали перед сном.

– Хм. Не припомню такого.

- Вы были... - «Капризным. Как ребенок». - Уставшим, сэр.

- Зови меня Магнус. Не люблю формальность титулов. Она делает нас незнакомцами, а мне не нравятся незнакомые люди в доме.

Я помолчала.

- Вы наняли меня на работу, сэр. Не думаю, что...

- Мне нравятся твои карие глаза, - вдруг сказал он с восхищением в голосе. - Наклони голову к свету.

- Наклонить голову?..

- Я хочу посмотреть отблески.

Помедлив, я немного повернула лицо к огню в надежде, что он, взглянув на мои глаза, сменит тему.

- Оттенки умбры, - пробормотал он. - Да. Как заваренный чай...

- Вы по этой причине хотели меня видеть? - спросила я, приняв прежнюю позу и решительно глядя ему в глаза.

- Судя по твоему взгляду, ты раздражена.

Он говорил так, будто был... доволен этим.

«С вами точно все в порядке?» - так и вертелось у меня на языке, но мне нужна была эта работа, а оскорблять своего работодателя - не лучший способ ее сохранить.

- Ты не замерзла? - внезапно спросил он. - Вот, держи.

Он стянул с себя свитер – цвета ржавчины, казавшийся ярким по сравнению с тем, что носили остальные обитатели дома, – и надел мне через голову. Я замерла. Мгновение сидела молча, его свитер обволакивал мое тело, а потом нерешительно продела руки в рукава. Пряжа по-прежнему хранила тепло владельца, от нее пахло одеколоном и мускатным орехом. Ощущения казались необычайно сокровенными.

Магнус, похоже, не заметил моего замешательства.

– Пегги полагалось обеспечить тебя подходящей одеждой. – Почесав голову, он обнаружил в волосах красный карандаш. Вынул его и с нежной улыбкой, будто повстречал друга, положил рядом со вторым. – Ну ладно, я позабочусь об этом.

– Спасибо, сэр.

– Привыкай уже называть меня Магнусом, или мне придется заменить тебя кем-нибудь другим. Саба! – громко позвал он, и я вздрогнула от неожиданности. – Саба, иди сюда!

Через минуту в дверях показалась женщина с бритой головой. На этот раз я заметила их с Магнусом небольшое сходство. Возможно, в скулах и разрезе глаз. Сестра? Тогда почему с ней так плохо обращаются?

– Саба, поищи для нашей гостьи что-нибудь потеплее.

Женщина зашаркала прочь, а Магнус вновь обратил свое внимание на меня.

– Итак, к делу. Давай я немного расскажу тебе о сложившейся ситуации. Моя мать вышла замуж за моего отца и навела на него Сглаз. Через три года у него хватило наглости покончить с собой, и проклятие перешло ко мне. По этой причине я был вынужден уехать из своего уютного особняка в Англии и жить в огромном леднике с горсткой надоедливых взрослых, дабы уберечь обычное население от опасности. Скоро мне исполняется двадцать один, и Эсджей считает важным очистить замок к этому времени, так как в свой день рождения мне придется взять дело отца в свои руки. Подводя итог вышесказанному, от взрослых никакого толка, а в твоём распоряжении имеется семь месяцев на выполнение трехлетней работы. Вопросы есть?

- Каждое Пробуждение в вашем доме проходит так... ожесточенно?

- К несчастью, да. Именно по этой причине у нас действует комендантский час. Любой, кто выходит в коридор после десяти вечера, знает о том, что берет на себя риск.

- Но почему за три года ситуация нисколько не улучшилась?

Магнус тяжело вздохнул, словно ему порядком надоело это слушать.

- С каждой потерянной дебтерой у меня крепнет ощущение, будто мы стоим на месте. Помещения для прислуги очищены, так же как несколько спален, столовая и кухня. Но это ничто по сравнению с количеством оставшихся комнат.

Пока Магнус не видел, я завернула пирожное в салфетку и сунула к себе в карман на потом.

- Что значит «потерянной дебтерой»?

- Уверен, Эсджей сообщил тебе, что ты не первая.

- И сколько их уже было?

- Ну, видишь ли... - Он замешкался, его щеки порозовели. - Одиннадцать.

Я чуть не уронила очередное пирожное себе на колени.

- Одиннадцать дебтер за три года?

- Включая тебя. Но, думаю, на таком прекрасном нечетном числе можно и остановиться, тебе не кажется?

- Вы хотите сказать, на странном числе.

- Что в нем странного? - Он со звоном опустил чашку. - Ладно, давай ближе к делу. Я знаю, почему ты отправила мне свое резюме. И знаешь, почему я выбрал

именно его из множества других?

- Оно было следующим в очереди? - сухо предположила я.

- У тебя нет разрешения. А значит, ты ищешь покровителя, верно?

Магнус подходил на роль покровителя по всем параметрам. Богатый. Со связями. Тот, кто непременно поручится за мои способности в обмен на успешное очищение его дома. С его поддержкой мне не понадобилось бы разрешение для дальнейшей работы. Но он мастерски действовал мне на нервы, и будь у меня другой вариант, я бы здесь сейчас не сидела.

Он смотрел на меня, выгнув густую бровь, и мне ничего не оставалось, как кивнуть в ответ.

- Вы выбрали меня только потому, что у меня нет разрешения?

- Прежде Эсджей отвечал за поиск сотрудников, но ты сама видишь, к чему это привело. - Он закатил глаза. - Именно поэтому я сам просмотрел первые страницы каждого резюме, пока не нашел то, где не было указано разрешение. Все остальные дебаты по сути ничего не теряют и не получают, в то время как для нас двоих важно и то и другое. Тебе нужна эта работа, а мне твои способности: идеальное сотрудничество.

- Полагаю... вы правы.

Магнус выглядел весьма довольным собой.

- Теперь твоя очередь. Расскажи о себе.

- Обо мне?

- Эсджей сказал, ты обучалась у Джембера - впечатляющее достижение. Сколько лет длилась твоя учеба?

- Ремесло я постигала всю свою жизнь, но официально работать с наставником могла лишь с шестнадцати лет.

- Кажется поздновато для обучения такому сложному навыку.

К тому времени мы уже использовали песнопения, хотя изготовлением амулетов еще не занимались. Странно, что человек, нанимавший на работу уже десять дебтер до меня, этого не знал.

- Для создания амулетов требуется определенная доля терпения и зрелости, а серебро слишком дорого, чтобы тратить его на использование в неуверенных детских руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Узор в виде капли со множеством мелких деталей и загнутым вверх концом. Он имеет и другие названия: «турецкий огурец», «слезы Аллаха», «индийский огурец», ботех или бута. Однако во всех культурах является символом жизни и плодородия. Здесь и далее примечания переводчика.

2

Каба – африканское женское платье.

Купити: https://tellnovel.com/blekvud_loren/sredi-proklyatyh-sten

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)